Комнаты внутри нас

Комната стыда

О привычке быть незаметным

Шокун Алексей Владимирович

Шокун Алексей

Комната стыда. О привычке быть незаметным

https://litres.ru/74705483
SelfPub; 2026

Аннотация

Не то пальто. Неловкое слово. Желание занять свободное место. Героям «Комнаты стыда» кажется, что окружающим сразу видно: с ними что-то не так. Двенадцать историй рассказывают о людях, которые научились быть незаметными, извиняться за мелочи и оценивать себя чужими глазами. В комнате старого дома слишком яркий свет, зеркало висит высоко, а стул обращён к стене. Здесь никто не получает волшебной уверенности в себе. Но иногда меняется одно движение, и привычный стыд становится виден по-новому. Это тихая проза о следах чужих слов и праве занимать своё место.

На отдельных этапах подготовки издания применялись интеллектуальные цифровые инструменты.

Содержание

Об этой книге	4
Как читать	6
Пролог	8
Пальто не по размеру	10
Мальчик, который знал ответ	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Шокун Алексей
Комната стыда.
О привычке быть незаметным

Серия «Комнаты Внутри Нас»
Шокун Алексей Владимирович

Об этой книге

Это художественная проза. Истории в этой книге не заменяют помощь врача или психотерапевта, не описывают диагнозов, не дают назначений и не обещают, что после них что-то пройдёт.

Если вы узнали себя в одной из историй — это не диагноз. Узнавание не доказывает ничего, кроме того, что вы человек и с вами бывает то же, что с другими людьми.

Если сейчас с вами происходит что-то, с чем трудно оставаться одному, — это не тот случай, когда нужна книга. Позвоните тому, кто может помочь: врачу, психотерапевту, близкому человеку. В остром состоянии читать про чужую боль бесполезно и иногда вредно.

Всё, что здесь есть, — двенадцать историй про людей, ко-

торым кажется, что с ними что-то не так и что это видно. Ни один из них не исправляется. У всех в конце остаётся то же, с чем они начали, — меняется только освещение.

В этой книге нет злодеев. Мать, которая покупает пальто на два размера больше, не хочет зла: она хочет, чтобы хватило надолго. Мужчина, который говорит «Ну и зачем?», говорит это из любви и не понимает, что делает. Учительница, которая двадцать лет следит, не пролилось ли что-нибудь за столом, никого не мучает — она бережёт. Так это и работает: самое прочное берётся из самого хорошего.

Здесь никто не прячется в темноте. Люди в этой комнате делают другое: они стоят на свету и следят, чтобы их не было видно.

Один носит чужое пальто. Другой не садится в кресло, хотя оно свободно. Третий ест на лестнице между четвёртым и пятым этажом. Каждый уверен, что стоит ему сделать обычное движение — и все увидят что-то не то.

Как читать

Одну историю за вечер. Больше не надо: истории короткие, но они не для того, чтобы их проглатывали.

Порядок соблюдать не обязательно. Но если день был тяжёлый, не читайте подряд шестую, седьмую и восьмую — они самые тёмные. Между ними лучше сделать перерыв или перейти сразу к одиннадцатой.

Двенадцатая история стоит последней не потому, что она самая важная. Она самая тихая. В ней человек ничего не преодолевает и ни с кем не объясняется: он делает одно движение, которого не делал всю жизнь, и на этом всё заканчивается.

Истории не нужно понимать. В них нет скрытого смысла, который вы обязаны найти. Если после истории ничего не произошло — это нормальный результат: так бывает чаще всего.

Если история задела, закройте книгу. Не надо разбираться сегодня. Не надо ничего вспоминать специально — если вспомнится, оно вспомнится само, и уже не в книге.

В этой книге нет ни одного разговора, после которого человеку становится легче. Разговоры в ней вообще кончаются плохо: люди говорят не то, что хотят, и расходятся.

Меняется не разговор, а одно движение. И его обычно никто не замечает, кроме самого человека.

И ещё одно: в этой книге никто не просит прощения за то, что он есть. Просят за другое — за место, за свет, за съеденный кусок.

Эту книгу можно читать вслух. Она так и написана — с расчётом на то, что её слышат.

И последнее. Эта книга не про то, как полюбить себя. Она про то, что в этой комнате очень светло, и что от яркого света тоже бывает больно.

Пролог

В этом доме есть комната, где очень светло.

Лампочка висит под потолком без абажура, и в ней двести ватт. Свет бьёт в белые стены, стены вымыты, и в комнате нет ни одной тени.

Смотритель заходит в неё и щурится.

Он привык, что фонарь что-то показывает. Здесь показывать нечего: и без фонаря видно каждую половицу, каждую царапину на крашеном полу, каждую трещинку в углу.

Он поднимает фонарь всё-таки. Свет от него в этой комнате не виден совсем.

Он держит его опущенным, как держат, когда искать нечего.

На стене висит зеркало. Повешено оно высоко — так, что человек, стоящий на полу, видит в нём только свою макушку.

Смотритель поднимает голову. В зеркале — кусок стены и край его плеча.

Он мог бы подставить стул и посмотреть как следует. Он не подставляет.

В углу стоит стул. Стул повёрнут к стене, сиденьем к стене, и сиденье у него протёрто посередине.

Смотритель обходит комнату кругом и останавливается у стула.

Он не садится. Он смотрит на пол под стулом: там, на кра-

шеных досках, вытерто светлое пятно, и по нему видно, что человек, который тут сидел, много раз переставлял ноги.

Тогда смотритель делает то, чего не делал ни в одной другой комнате.

Он идёт к двери и оставляет её открытой. Не прикрытой, как обычно, а широко, настежь, чтобы из тёмного коридора в комнату лёг прямоугольник.

В комнате становится темнее. Не сильно — на одну полосу у порога.

Смотритель уходит по коридору и не оборачивается.

Он думает, что здесь фонарь не нужен. Фонарь нужен там, где темно, а здесь темноты не было никогда.

Из открытой двери ему вслед ничего не летит.

Пока.

Пальто не по размеру

Пальто было тёмно-синее, шерстяное, и она носила его тридцать лет. Её звали Людмила Аркадьевна, ей было сорок восемь, и она работала на почте — в отделении на улице Свободы, за третьим окном. Отделение было старое, с высокими окнами и счётной машинкой, которая заедала на цифре семь. Два раза в день Людмила Аркадьевна надевала через плечо сумку и уходила по участку: девять домов, три пятиэтажных и один длинный, на четыре подъезда.

На почту она пришла в девяносто восьмом, когда закрылся завод, где она работала в отделе снабжения. Устроиться помогла материна знакомая, у которой здесь работала невестка. Сначала она была подменной, потом села на третье окно, и третье окно стало её. За двадцать восемь лет оно менялось дважды: сначала поставили стекло, потом решётку.

По участку она ходила в этом пальто. Зимой под него — свитер, и тогда оно сидело почти нормально.

Осенью оно висело свободно, и ветер заходил под полу.

В отделении её считали спокойной. Это значило, что она не спорила с очередью и не повышала голос на тех, кто приходил за минуту до закрытия. Купила его мать в девяносто четвёртом, в «Доме торговли», на втором этаже, в отделе, где висели пальто в ряд и пахло нафталином.

Мать тогда долго выбирала. Перебрала все, которые были

её размера, и взяла то, что было на два больше. Мать звали Раиса Фёдоровна, и она двадцать шесть лет работала в прачечной при больнице. Оттуда она приходила с запахом мыла и с красными руками, и дома всё считала: ложки, полотенца, банки.

Запас был её верой. В кладовке рядами стояли банки с крупой, в шкафу лежали мыло и спички, купленные на год вперёд, а в комоде — отрез ситца, которому было десять лет и который всё ждал своего дня. В том же отделе висело коричневое пальто, драповое, с большими пуговицами. Мать сняла его с плечиков, приложила к себе, посмотрела в зеркало и повесила обратно.

— Мне и в старом хорошо, — сказала она.

Старое она носила ещё три зимы.

— На свитер, — сказала она. — И на вырост.

Продавщица сказала, что на вырост — это правильно и что дети растут быстро. Мать согласилась, заплатила в кассу и положила чек в кошелёк, где он пролежал до ремонта кухни. Ей было шестнадцать. Она стояла в примерочной, в пальто до колен, и рукава закрывали ей пальцы.

— Мам, оно большое.

— Это сейчас большое. Через год будет как раз.

Через год оно не стало как раз. Ни через два, ни через десять. Мать считала, что вещь должна быть с запасом. Запас — это экономия, а экономия — это добродетель. Сама она всю жизнь носила на размер больше и говорила, что в тесном

нельзя дышать.

Дома было правило: перед зеркалом не вертеться. Мать говорила: «Кто на себя любуется, тот себя не бережёт». Зеркало в прихожей висело высоко, и в него было видно голову и плечи, а ниже — уже нет. Чтобы увидеть себя целиком, надо было отойти к двери и наклониться, а этого никто не делал.

В первую зиму она ходила в этом пальто в школу. Рукава были длинные, и она подворачивала их на ходу, а на перемене они разворачивались обратно.

Учительница сказала:

— Ты растёшь. Это хорошо.

Бабушка, которая жила с ними до своей смерти, говорила другое: «Не высовывайся. Тебя не видно — и хорошо». Она говорила это и когда Людмила приносила пятёрку, и когда получала замечание. На пятёрку — «Не хвались».

На замечание — «Не позорься».

Она кивнула. Она не росла. В школе была раздевалка с длинными рядами крючков, и на перемене все вешали пальто вперемешку. Один раз её пальто кто-то надел по ошибке.

Мальчик из параллельного класса вышел в нём к дверям, и оно сидело на нём как раз: плечи на месте, рукава по руке, пояс на поясе. В раздевалке засмеялись. Он снял его и повесил обратно: «Извини, я думал, это моё». Она сказала: «Ничего».

Дома она рассказала матери. Мать сказала: «Значит, ещё вырастешь». И добавила: «Хорошее пальто, вся школа ви-

дит».

Пальто висело на ней, как висят вещи на плечиках в чужом шкафу: плечи не на месте, пояс болтается, если его завязать — а она не завязывала, — рукава длинные. Рукава она подворачивала внутрь и подшивала белыми нитками. Раз в несколько лет нитки рвались, и она подшивала снова, уже другими.

В девяносто восьмом подкладка протёрлась под мышкой. Мать отнесла пальто в мастерскую и заплатила за новую, серую в клетку. Подкладка была из другой ткани, и когда пальто снимали, она была видна. Людмиле тогда показалось, что это некрасиво, и потом двадцать лет она снимала пальто так, чтобы подкладку не было видно.

Она до сих пор так его снимает: сначала левой рукой за воротник, потом правой за полу. Одну пуговицу она пришила чёрной ниткой, потому что синей под рукой не было. Пуговица держалась крепче всех остальных.

В две тысячи первом эта пуговица оторвалась вместе с куском ткани. Она пришила её на место, подложив с изнанки клочок бязи. Мать посмотрела и сказала: «Не видно». Это была похвала.

В правом кармане была дырка. Ключи проваливались в подкладку, и она доставала их через эту дырку, двумя пальцами, нащупывая. Пальто пахло нафталином и ещё чем-то, чему она не находила названия. Запах был материн: так пахло из её шкафа, когда Людмила была маленькая и залезала

туда прятаться.

Она вешала пальто в прихожую, и запах оставался в квартире до утра. Полина, когда приезжала, говорила: «У вас пахнет бабушкиным шкафом». Людмила Аркадьевна говорила: «Это пальто». Полина говорила: «Я знаю».

Мать говорила:

— Хорошая вещь. На годы.

В две тысячи третьем в квартире меняли кухню. Когда снимали старый шкаф, за ним нашли чек из «Дома торговли»: девятьсот сорок тысяч рублей, пальто женское, шерстяное, размер пятьдесят второй. Мать посмотрела на чек, разгладила его на ладони и сказала: «Видишь, сколько стоило».

Чек она положила в кошелёк, и он пролежал там ещё пять лет. В две тысячи седьмом мать слегла. Врач сказал «сердце» и выписал таблетки, и с ноября Людмила Аркадьевна ходила в больницу через день.

Зима была длинная. Она ходила в этом пальто, и в широкие рукава можно было спрятать пакет с яблоками, чтобы не нести в руке.

В карманах помещались лекарства, очки и маленький термос.

В палате было шесть коек, и на каждой лежала женщина, и все они говорили матери, что дочь у неё хорошая. Мать говорила: «Она у меня одна». И добавляла: «Тихая».

Тихой она была всю жизнь, и это слово в устах матери значило и хорошее, и не очень. Мать умерла в две тысячи вось-

мом. Пальто осталось.

Квартиру разбирали втроём: она, сестра Надежда и соседка Галина Фёдоровна. Из кладовки вынесли двадцать три банки, и Галина Фёдоровна сказала, что Раиса Фёдоровна была женщина аккуратная. Из вещей матери Людмила Аркадьевна взяла шкатулку с пуговицами и коричневое пальто. Оно всё это время висело в чехле и было почти новое.

Коричневое сидело на ней как раз: плечи на месте, рукава по руке. Она отдала его в церковь, а шкатулку поставила на полку. Сестра Надежда была старше на шесть лет и всю жизнь считала, что младшей досталось больше.

На разборе она сказала: «Ты в нём ходишь, как в мешке».

Людмила Аркадьевна сказала: «Мне удобно».

— Тебе всё удобно, — сказала Надежда. — Тебе и в детстве всё было удобно.

Они не поссорились. Они вообще не ссорились с тех пор, как умерла мать: ссориться было не о чем. На похороны она надела его. Было холодно, шёл снег с дождём, и в этом пальто было тепло, и она стояла на кладбище и думала о том, что оно наконец пригодилось.

Потом ей сказали, что пальто хорошее и что мать умела выбирать вещи. Это сказала Валентина Ильинична из сорок второй, на поминках, за столом, где стояла кутья и рюмки. Сказала громко, чтобы слышали остальные.

— Раиса умела выбирать вещи, — сказала она. — Всё с запасом. Вот и пальто — на годы.

Людмила Аркадьевна кивнула. Она сидела в этом пальто и не снимала его: в квартире было холодно, топить в тот день забыли. Она надевала его на работу, в магазин, в поликлинику, на родительское собрание.

Зимой под низ шёл свитер, и пальто садилось почти по фигуре.

В две тысячи двенадцатом всем выдали куртки: синие, с надписью на спине и светоотражающей полосой. Куртки привезли двух размеров, пятьдесят второго и пятьдесят четвёртого. Людмила Аркадьевна попросила сорок восьмой. Заведующая, Зоя Михайловна, сказала: «Берите, что есть, под свитер». Она взяла пятьдесят второй.

Оля со второго окна подшила свою в боках и носила с поясом. Людмила Аркадьевна свою не трогала: в ней было тепло, полоса шла ровно, а зимой под неё влезали свитер и шарф. Куртку она надевала на участок. Пальто осталось для другого: в поликлинику, в магазин, к дочери.

На участке её знали. Во втором подъезде жила женщина, которая ждала письма от сына и выходила на лестницу, если слышала шаги.

В девятом доме жил мужчина, который брал квитанции и говорил «спасибо», не поднимая глаз.

У пятого подъезда был рыжий пёс с ободранным ухом. Он не лаял, а шёл рядом до угла и потом отставал. В морозы Людмила Аркадьевна натягивала рукава на пальцы и несла сумку за дно: в перчатках неудобно вытаскивать газеты. Ру-

кава были длинные, и это было удобно.

У третьего окна была своя жизнь. Женщина приходила каждый месяц, к пенсии, и пересчитывала деньги, не отходя. Один раз пересчитала дважды и сказала: «А тут на сто меньше».

Людмила Аркадьевна пересчитала при ней и сказала, что всё верно. Женщина сказала: «Ну да, это я», и извинилась. Людмила Аркадьевна сказала: «Ничего страшного». Она говорила это по двадцать раз на дню и никогда не считала.

Дочь, когда подросла, сказала:

— Мам, ну купи себе пальто.

— Это ещё хорошее.

— Оно тебе велико.

— Мне удобно.

Дочь пожимала плечами и больше не говорила. Она говорила это три раза за десять лет, и каждый раз получала один и тот же ответ. Дочь звали Полина. Она работала в фотостудии, снимала свадьбы и портреты и по работе смотрела на людей пристально, как смотрят в видоискатель.

Полина говорила: «Ты в нём как в чужом». Людмила Аркадьевна отвечала: «Это мамино». Полина говорила: «Ну и что». Людмила Аркадьевна не находила ответа и начинала спрашивать про работу.

Один раз Полина сняла её на улице, без предупреждения, на плёнку. Потом показала кадр: женщина в синем пальто, рукава до пальцев, лицо спокойное.

— Вот, — сказала Полина. — Видишь?

Людмила Аркадьевна посмотрела и сказала, что получилось хорошо. Она не сказала, что видит. В две тысячи пятнадцатом дочь привезла ей пальто в подарок. Бежевое, с поясом, её размера.

Она сказала:

— Спасибо, доча.

Пальто провисело в шкафу полгода. Бирку она не срезала. Бежевое дочь купила на первую зарплату с новой работы. Она сказала: «Я померила на себя, но оно не моё, оно твоё».

Людмила Аркадьевна сказала: «Спасибо, доча», и в тот вечер дважды к нему подходила. В шкафу оно висело между старым пальто и платьем, и она видела его каждый раз, когда открывала дверцу. Бирка была белая, на нитке, и на бирке стояла цена.

Она не срезала бирку, потому что с биркой вещь ещё можно было вернуть. Через полгода дочь открыла шкаф, чтобы взять зонт, и увидела бирку. Ничего не сказала.

Через неделю пальто исчезло из шкафа. Она отдала его соседке и сказала, что не подошло по плечам. Соседку звали Аня, она жила этажом выше, работала в детском саду и была на десять лет моложе. Пальто было ей немного велико, и она подвязала пояс и так носила.

Через два года Аня встретилась ей в подъезде в этом пальто и сказала, что вещь замечательная и что ей все говорят, какое оно красивое. Людмила Аркадьевна сказала: «Носи на

здоровье».

Потом поднялась к себе и долго стояла в прихожей, не снимая своего.

Она согласилась. В две тысячи девятнадцатом она купила новое пальто.

Это вышло случайно. Она зашла в магазин за перчатками, а там на выходе висело серое, прямое, с воротником-стойкой. Продавщица сказала:

— Примерьте, у нас скидка.

Она надела. Пальто село по плечам. Рукава кончались там, где кончаются руки. Пояс был на месте, и она даже не сразу поняла, что это пояс, а не украшение.

Продавщица сказала: «Руки не прячьте, видно же, что хорошо». Она не прятала. В зеркале женщина стояла ровно. Людмила Аркадьевна подумала, что так стоят люди, которых снимают на документы, и что её так не снимали ни разу.

Продавщица сказала:

— Вам как раз. Даже ушивать не надо.

Она подумала про мать. Мать бы сказала: «Возьмём на размер больше, будет на свитер». Она подумала про дочь. Дочь бы сказала: «Ну наконец».

Она ничего не сказала. В магазине был свет из потолка, белый, ровный, и зеркало во всю стену, и в этом свете было видно всё: и что пальто по плечам, и что рукава на месте, и что она стоит ровно, а не бочком, как обычно. Она посмотрела в зеркало.

В зеркале стояла женщина в пальто, которое было ей по размеру. Женщина была какая-то чужая. У неё были видны запястья.

Она стояла и не могла смотреть. Ей хотелось снять пальто и уйти, и она не понимала почему: пальто было хорошее, и скидка была настоящая, и продавщица ничего плохого не сказала.

Она стояла в этом свете ещё минуты две. Потом сказала:

— Беру.

Продавщица сняла с него бирку на кассе, положила пальто в пакет и пожелала носить с удовольствием. Она заплатила двенадцать тысяч четыреста и вышла с пакетом, и пакет был лёгкий. Дома она достала пальто из пакета и повесила в шкаф, на плечики, между старым пальто и платьем. Бирку она не срезала: бирка была картонная, на белой нитке.

Оно провисело в шкафу два года. За это время она дважды пересчитывала деньги и один раз достала пальто и приложила к себе перед зеркалом в прихожей. Зеркало было маленькое и в рост не показывало.

Она думала: до весны. Весной оказалось, что ещё холодно, и она опять надела старое. Дважды она его доставала. Первый раз — в ноябре, когда ударил мороз и старое показалось ей совсем холодным. Она надела новое, постояла перед зеркалом в прихожей, сняла и повесила обратно.

В зеркале были видны голова и плечи. Плечи были на месте, и это было непривычно. Второй раз — в феврале, перед

поездкой к дочери. Она подумала, что дочь обрадуется.

Потом подумала, что дочь спросит, почему только сейчас, и надела старое.

Чек она хранила в кармане нового пальто. Он там и лежал, сложенный вчетверо, и от времени стал мягкий, как тряпка. Она надевала его один раз — на свадьбу племянницы, — и весь вечер чувствовала себя так, будто пришла в чужом.

Свадьба была осенью, в кафе на Московском. Людмила Аркадьевна приехала в новом пальто и впервые за много лет увидела себя в зеркале фойе во весь рост. Сестра, Надежда, сказала: «Ты сегодня какая-то другая». Сказала быстро, как говорят комплимент, и пошла дальше.

За столом ей досталось место у стены. Она сидела прямо, ела мало и всё время одёргивала полу, хотя пола лежала ровно. Два раза она выходила в коридор и стояла у окна, где было прохладно, и там ей было легче.

К одиннадцати она поняла, что мёрзнет. В новом пальто было холоднее, чем в старом: старое было широкое, и под ним держался воздух.

Потом повесила обратно.

Зимой она ходила в старом. В старом было тепло и не было видно запястий. В лифте соседка с пятого этажа сказала: «Людмила, ты всё в этом пальто? Оно тебе велико».

Людмила Аркадьевна сказала: «Оно тёплое».

— Тёплое, — согласилась соседка. — Но велико.

Больше они в лифте не разговаривали. Соседка вышла на

своём этаже и сказала: «Всего доброго».

В марте она понесла старое пальто в мастерскую.

Мастерская была в подвале, и в неё вела лестница в шесть ступеней, и на ступенях лежал линолеум, прибитый гвоздями по краям. В мастерской пахло машинным маслом, пылью и горячим утюгом. У прилавка стояла женщина с молнией от куртки, и мастер говорил ей, что молнию надо менять целиком, а она говорила, что куртка хорошая.

Женщина ушла, не согласившись. Мастер посмотрел ей вслед и сказал: «Каждый день одно и то же». Людмила Аркадьевна стояла и держала пальто на вытянутых руках, чтобы не помять.

За вывеской «Ремонт одежды» работал мужчина лет шестидесяти, который чинил всё: молнии, подкладку, швы.

Она сказала:

— Укоротить рукава.

Он взял пальто, расправил на столе, посмотрел на неё через прилавок.

— Оно вам на два размера больше.

— Я знаю.

— Я могу ушить. Тут работы на час.

— Не надо ушивать, — сказала она. — Только рукава.

Он помолчал.

— Как скажете.

Он записал в тетрадку её фамилию и сказал приходить в пятницу. Пятница была через три дня, и эти три дня она

думала о пальто чаще, чем следовало. Мастера звали Илья Матвеевич. Он работал в этом подвале двадцать два года, с тех пор как закрылся комбинат, где он был закройщиком.

В мастерской стояли две машины: старая, ножная, с чугунной станиной, и вторая, электрическая. На ножной он делал то, что требовало аккуратности. За прилавком висела доска, на которой мелом было написано: «Пятница — до двух». Мела не было, и он писал обломком.

Он не спросил, почему не ушить. Он вообще не задавал вопросов, кроме тех, что нужны для работы: длина, подкладка, когда нужно.

В пятницу она пришла.

Пальто лежало на прилавке, сложенное. Мастер развернул его и подал ей.

— Меряйте.

Она надела. Рукава кончались там, где кончаются руки. Не выше и не ниже.

Она стояла перед зеркалом в мастерской — маленьким, на стене, с трещиной в углу, — и смотрела на свои руки.

— Хорошо, — сказала она.

— Ещё я карман подшил, — сказал мастер. — А то там дырка была, туда всё проваливалось.

— Спасибо.

— С вас восемьсот.

Она заплатила, взяла пальто и вышла. Через неделю она пошла в магазин за перчатками. Двадцать лет она ходила без

них: в длинных рукавах руки не мёрзли, а перчатки она теряла.

Продавщица спросила размер. Людмила Аркадьевна сказала, что не знает. Продавщица взяла её руку и измерила сантиметром. Сказала: «Семнадцать. Вам маленькие».

Перчатки были чёрные, кожаные, с подкладкой. Она надела их и подержала руки перед собой, как держат что-то хрупкое. Первую неделю она мёрзла. Между рукавом и перчаткой оставалась полоска кожи, и её продувало.

Она купила перчатки подлиннее, потом ещё одни, с раструбом. Потом привыкла. В апреле она поняла, что больше не думает о рукавах. Это было единственное, что изменилось.

На улице было холодно, но уже по-весеннему, и с крыш капало. Она надела пальто прямо на улице, поверх кофты, и пошла к остановке. Руки она держала в карманах. Ключи лежали в кармане, и она нащупала их сразу, сверху, не запуская руку в подкладку.

На остановке стояла женщина с сумкой на колёсиках и смотрела на неё. Она сначала не поняла, в чём дело, и даже проверила, не испачкалась ли.

— Хорошее пальто, — сказала женщина. — Синее такое, спокойное.

— Ему тридцать лет.

— Да ну.

— Тысяча девятьсот девяносто четвёртый.

Женщина покачала головой и сказала, что раньше делали вещи, а теперь не делают. Подошёл автобус, и они сели в него, и больше не разговаривали. Ключи больше не проваливались.

Она достала их и посмотрела: три ключа на кольце. Один от квартиры, один от почты, один от ящика, который открывали раз в неделю. Раньше она доставала их через дырку, двумя пальцами, и на это уходило время.

Теперь они лежали сверху.

Дома она открыла шкаф и посмотрела на серое пальто с биркой. Бирка была на месте, белая, на нитке, и цена на ней стояла та же. Она его не сняла. Она закрыла шкаф и пошла ставить чайник.

В октябре она опять понесла пальто в мастерскую: разошёлся шов на плече. Илья Матвеевич посмотрел и сказал: «Шов сделаю. Ушивать не буду, вы не просили».

Она сказала: «Спасибо». Он сказал: «Если передумаете, приходите. Тут работы на час».

Вечером она позвонила дочери и сказала, что отдала пальто в мастерскую.

— Наконец-то, — сказала дочь.

— Я только рукава.

— А ушить? — спросила дочь.

— Не надо.

— Почему?

Людмила Аркадьевна сказала, что так удобнее. Дочь по-

молчала.

— Ну хорошо, — сказала она.

— А серое? — спросила Людмила Аркадьевна.

— Какое серое?

— Которое ты привозила.

Полина помолчала.

— Ты его не носишь. Оно с биркой.

— Я сниму.

— Мам.

Людмила Аркадьевна сказала, что снимет на днях. Они попрощались и положили трубки одновременно. В субботу она ходила в нём на рынок и покупала картошку. Сдача не провалилась в подкладку: мастер зашил дырку, и мелочь осталась в кармане, и рука вышла обратно легко.

Продавщица картошки сказала: «Пальто хорошее». Людмила Аркадьевна сказала: «Ему тридцать лет». Продавщица сказала: «Да ну». И больше ничего не спросила.

В понедельник она надела старое пальто на работу, как всегда. Оля сказала: «Ты рукава подшила». Людмила Аркадьевна сказала: «Да».

Оля сказала: «Тебе идёт». И добавила: «А ушить не хочешь?» Людмила Аркадьевна сказала, что подумает.

Зоя Михайловна посмотрела и сказала: «Наконец-то». Больше никто ничего не сказал, и это было легче, чем она думала.

В нём было тепло, и плечи были не на месте, и пояс висел.

Рукава кончались там, где кончаются руки.

Мальчик, который знал ответ

В третьем классе он знал ответ. Его звали Андрей Сергеевич. Он родился в этом же городе, в семье, где отец работал на заводе, а мать — в детском саду, и вырос в пятиэтажке на окраине, где во дворе стояла одна качель и не было ни одного дерева выше третьего этажа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.